

Д. А. ФУРМАНОВ

Отчего мы стали анархистами

Иваново-Вознесенская группа максималистов перешла в лагерь анархистов. Этот голый факт сам по себе говорит и очень много и очень мало.

Требуются обстоятельные, самые подробные комментарии. Но по горячим следам комментировать слишком опасно и придется поневоле ограничиться изложением лишь основных моментов совершившегося акта, не вдаваясь в более или менее подробные разъяснения.

Акт перехода от одного учения к другому был, несомненно, актом длительным и совершился, несомненно, путем эволюционным.

Надо сказать, что наша группа, численностью в несколько десятков человек, состоит почти исключительно из рабочих, участников прошлой революции. Это обстоятельство говорит за то, что здесь совершенно не имела места интеллигентская дряблость, фальшивые рефлексы и проч. — здесь налицо факты живой жизни, взятые из повседневной действительности, убеждающие лучше всяких теоретических построений глубокомысленных мудрецов. То обстоятельство, что членами группы являются главным образом работники прошлой революции и что прием в члены был исключительно идейный — свидетельствует о достаточной политической зрелости и не дает права предполагать, будто этот глубокий и знаменательный акт — является плодом политического легкомыслия. Эти сведения приводятся не для того, чтобы перед кем-то и в чем-то оправдаться (как думают несомненно некоторые лиходеи) — в делах убеждений вообще нет оправданий, их заменяют доказательства. Мы приводим эти сведения

единственно для того, чтобы показать истинный удельный вес совершившегося акта, чтобы от него не могли отмахнуться даже те, которые не привыкли и не умеют смотреть прямо в корень дела. Мы открыто заявляем о своем переходе в другой лагерь, о разрыве с союзом максималистов, об исповедании нового учения.

Об этом необходимо заявить именно теперь, когда сама жизнь делает нас анархистами. Многие рабочие в беседах с нами признавались открыто, что душою ближе приемлют наше новое учение, но что давняя организационная связь с тою или иной социалистической партией заставляет их остаться на прежнем посту. Мы считаем подобную точку зрения крайне вредной и опасной для самого движения, для его успеха, ибо положение это окончательно сбивает с толку и не дает точного представления об истинном соотношении борющихся сил, о степени убежденности членов той или иной группы, о точности видов на успех или поражение. Выходит так, что человек остается в социалистической партии лишь по какой-то своеобразной и фальшивой вежливости (может корректности, покорности или чему-либо иному) остается тогда, когда все его помыслы, вся горячность души — принадлежат иному учению, иным взглядам.

Надо смело и твердо заявлять о перемене своих взглядов и убеждений — этим сослужишь огромную пользу прежде всего тем, от кого уходишь. Пусть назовут этот глубокий и священный акт легкомысленным, пусть травят, глумятся и твякают со всех сторон — будь тверд и отвечай глубоким презрением на стороннюю брехню досужих политических кумушек.

Мы прежде всего слушаем могучий зав живой жизни. Мы прежде всего суммируем факты действительности и делаем из них конкретные выводы. Работая в Советах, Комитетах и коллективах — организациях беспартийных по идее и хозяйственно-экономических по заданиям — мы всю революцию, изо дня в день, варимся в соку рабочего движения; мы не сторонние зрители, а действительные участники этой огромной творческой работы трудящихся масс. Мы имеем все основания заявить о том, что факты борьбы мимо нас не проходили и четко отзывались в душе то болью, то радостью.

Мы никогда не являлись сторонниками политической мертвечины и верности своим взглядам во чтобы то ни стало. Взгляды могут меняться в зависимости от хода жизни и когда они изменяются — об этом надо открыто и твердо заявлять, а не утаивать сомнения в глубине души, разыгрывая какую-то верную собаку, обожающую идола-хозяина даже тогда, когда он ее жестоко бьет.

Устои борьбы должны быть незыблемы, по форме этой борьбы могут и должны меняться. Идея власти и централизации была жизненна лишь до тех пор, пока народные массы не раскачались, пока они не усвоили себе истинной конъюнктуры. Теперь же, когда стало ясно, что победа в значительной степени закреплена, что настала пора творческой работы — они прежде всего обратились к центрам, ища в них поддержки и указаний. Началась игра во власть. Центры стали распоряжаться творческой работой на местах. Но творчество не может терпеть над собой палки. Низы чем дальше, тем ярче проявляли собственную волю, свободную инициативу. Они переставали идолопоклонствовать перед центрами, и рядом живых и убедительных примеров дали этим центрам понять, как бесполезна и опасна для общего дела мертвая централистская работа; как жалка в своей безнадежной узости и отсталости. Власть и централизация на наших глазах потерпели крах. Но за счет их крушения — утвердилась и развилась огромная созидательная работа на местах, понявших правильность сделанных самостоятельных ходов.

В продовольственном, мануфактурном, чисто финансовом деле — то в мелких, то в значительных размерах стала проявляться эта воля к действию. Пусть в этом здоровом движении порою преобладают чисто местные, эгоистические задачи — в общем и целом эта воля к самостоятельному действию руководствуется принципом целесообразности и устремлением в сторону максимальной независимости. Попутно совершается процесс естественной централизации снизу вверх. Этот процесс завершится объединением свободных коммун, тяготеющих друг к другу по тем или иным признакам. Децентрализация проводится и утверждается самой жизнью; власть, как сила, чем дальше, тем определеннее становится ненужной. Мы учли все эти факты живой действительности и приняли анархическое учение как наиболее жизненное в данный момент.

От имени Иваново-Вознесенской федерации анархистов
Д. Фурманов.
